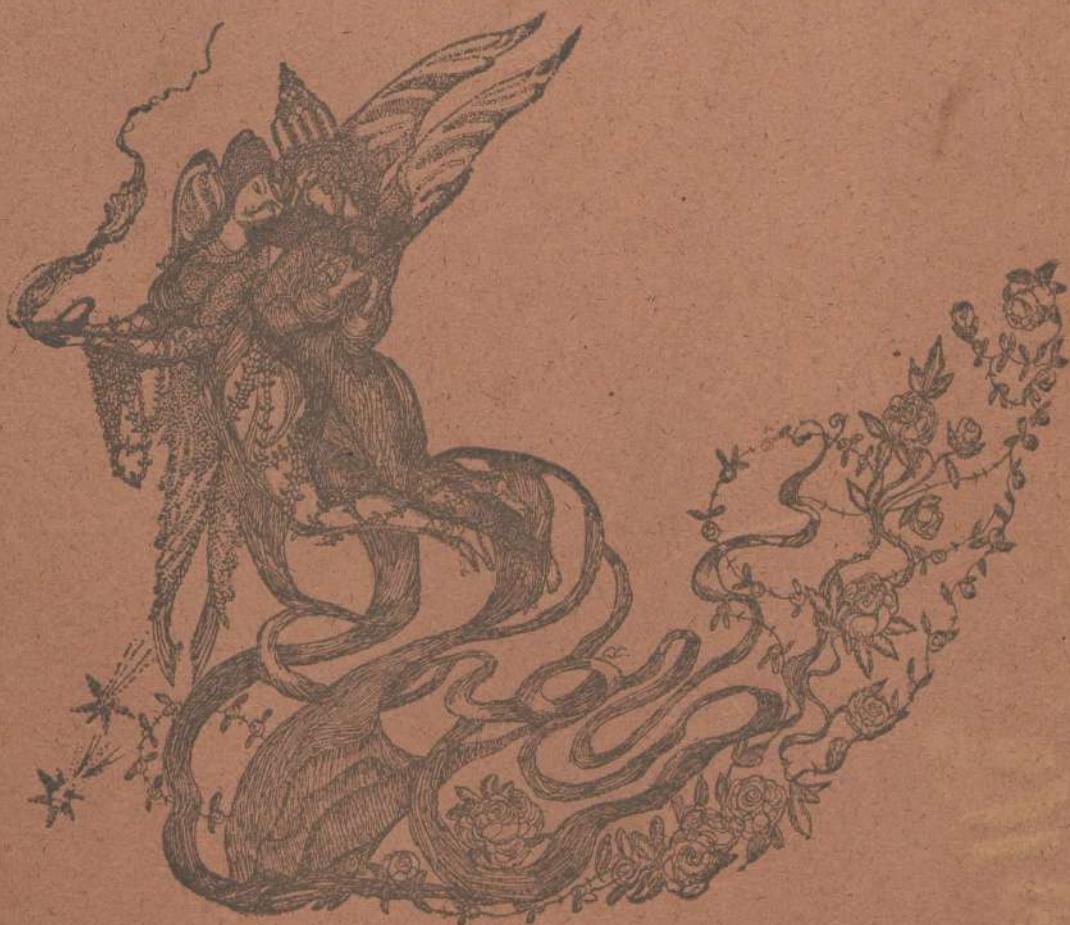

ЗОЛОТОЕ ГУКО

LA TOISON D'OR

1907

№ 89

1907г. Д. Б. Медведев.

Художественный отрывок.

Стр.

1. 39 снимков с работы художника А. Г. Венецианова	5—28b
2. Художественное значение Венецианова, статья Александра Бенуа	29—32
3. А. Г. Венецианов, статья А. И. Успенского	33—40
4. 29 снимков с работы последователей Венецианова	43—60
5. «Венецианов и его школа», ст. барона Н. Н. Врангеля	61—64

ПРИЛОЖЕНИЯ: I. А. Г. Венецианов: а) Автопортретъ, б) «Голова мальчика», в) «Купальщицы», д) «Оппозиция свеклы» («Фототипия»), е) «Туалетъ» (трехлистная автотипия). II. Родословная А. Венецианова—раб. М. В. Добужинского. III. Сорока. Портретъ Венецианова въ старости. IV. «Незавѣстный художникъ». «Лютомъ въ салу». V. Б. Кустодиевъ. Портретъ А. М. Ремизова.

Обложка: виньетка С. Судейкина, надпись Н. Феофилактова. Марка И. Билибина. Листъ оглавления: виньетка Павла Кузнецова, надпись В. Милоти. Заглавный листъ—надпись М. В. Добужинского, орнаментъ первой половины 19-го вѣка. Заглавный листъ къ репродукціямъ «Художниковъ школы А. Венецианова» раб. В. П. Дриттенпрейсъ. Заглавный листъ художествъ хроники: виньетка И. Кузнецова, надпись В. Милоти. Виньетки: А. Араповъ (83, 91, 99, 116), В. Дриттенпрейсъ (33, 40, 68, 69), И. Кнабе (109), Н. Крымовъ (64, 67, 88), Е. Лансеръ (29, 32), Н. Сапуновъ (115, 131, 159), С. Судейкинъ (72, 132), П. Уткинъ (65, 73, 74, 75, 90), К. Юонъ (122), М. Яковлевъ (61), Г. Якуловъ (71, 121).

Литературный отрывок.

1. М. Кузминъ, «Изъ старыхъ лѣтъ», стих.	65
2. О. Сологубъ, 2 стихотвор.	66
3. Г. Чулковъ, «Жатва», стих.	67
4. А. Диесперовъ, 3 стих.	68
5. В. Плятье, 2 стих.	70
6. С. Городецкій, «Воспоминанье», стих.	71
7. А. Ремизовъ, «Бѣлунъ», «Нежить», «Ховала», новеллы	73
8. А. Ремизовъ, «Мака», рассказъ	76
9. М. Кузминъ, «Гѣнъ Филиппъ», повѣсть	83
10. Любовь Столица, «Радуга», стат.	88
11. К. Бальмонтъ, «Рдяныя звѣзды», стат.	91
12. Вяч. Ивановъ, «Ты если», стат.	100
13. Вольфингъ, «Багнеровскіе фестивали» 1907 года въ Минхенѣ, стат.	103
14. Г. Тастевинъ, «Ницше и современный країнисъ», стат.	110
15. В. Карагыгинъ, «Маскарадъ», стат.	116
16. А. Блокъ, «О драмѣ», стат.	122

Хроника искусствъ.

1. Н. Ж., «Эдуард Григъ», стат.	134
2. В. К., «Музикальная хроника Петербурга»	139
3. Б. Дильтѣ, «Несколько словъ о «Балаганчикѣ» А. Блока»	141
4. Хроника Петербургской жизни	143
5. С. Ауслендертъ. Изъ Петербурга	147
6. Московскіе театры (статьи П. Ярцева и А. Воротникова)	149
7. Вѣсти отовсюду	154
ЗАЯВЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ	160
ОБЪЯВЛЕНИЯ	160

7—9.

Partie artistique.

Pages.

1. 39 reproductions du peintre A. Venetianov	5—28b
2. La valeur artistique de Venetianov, article d'Alexandre Benois	29—32
3. A. Venetianov, article de A. I. Ouspensky	33—40
4. 29 reproductions des œuvres des disciples de Venetianov	43—60
5. «Venetianov et son école», article du baron N. Wrangel	61—64

SUPPLÉMENT: I. A. G. Venetianov: a) Portrait du peintre, b) «Jeune garçon», c) «Les baigneuses», d) «Le nettoyage des betteraves», e) «La toilette». II. Généalogie de A. Venetianov, dessin de M. V. Doboujinsky. III. Soroka. Portrait de Venetianov à un âge avancé. IV. Peintre inconnu. Matinée d'été au jardin. V. B. Koustodiev. Portrait de A. M. Remisov.

Couverture: vignette de S. Soudeikine, inscription de N. Théophilaktov. Marque de I. Bilibine. Feuille du sommaire: vignette de Paul Kouznetsov, inscription de B. Milioti. Frontispice — inscriptions de M. V. Douboujinsky, ornement du commencement du XIX siècle. Frontispice: «Peintres de l'école de A. Venetianov», par V. P. Drittenpreis. Entête de la chronique des arts: vignette de P. Kouznetsov, inscription de B. Milioti. Vignettes: de A. Arapov (83, 91, 99, 116), V. Drittenpreis (33, 40, 68, 69), I. Knabe (109), N. Krymov (64, 67, 88), E. Lanceré (29, 32), N. Sapounov (115, 131, 159), S. Soudeikine (72, 132), P. Outkine (65, 73, 74, 75, 90), K. Iuon (122), M. Iakovlev (61), G. Iakovlev (71, 121).

Partie Littéraire.

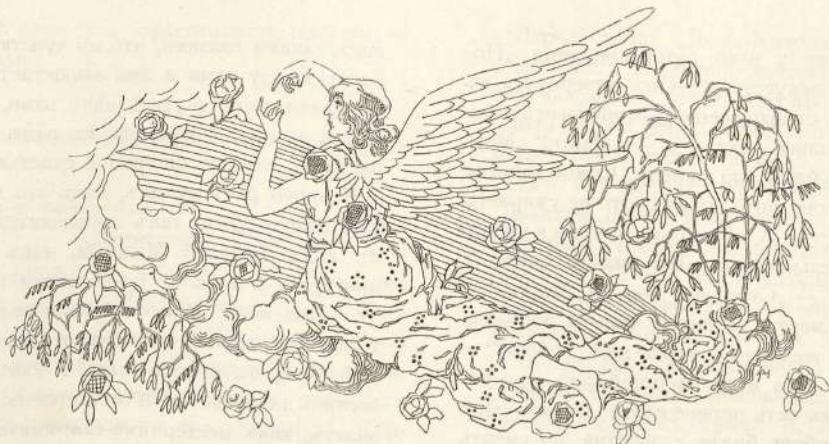
1. M. Kouzmine, «Rémifications», poésie	65
2. Th. Solohoub, 2 poésies	66
3. G. Tchoulkoff, «La moisson», poésie	67
4. A. Diespéróv, 3 poésies	68
5. V. Piast, 2 poésies	70
6. S. Gorodetsky, «Souvenirs», poésie	71
7. A. Rémisov, 3 nouvelles	73
8. A. Rémisov, «Maka», récit	76
9. M. Kouzmine, «L'Ombre de Phallus», nouvelle	83
10. Aimée Stolitzza, «L'Arc-en-ciel», article	88
11. C. Balmont, «Les Étoiles pourprées», article	91
12. Venc. Ivanov, «Tu Es», article	100
13. Wolfgang. Les spectacles wagnériens à Munich en 1907, article	103
14. H. Tastevin, «Nietzsche et la crise actuelle», article	110
15. V. Karatyguine, «Mascarade», article	116
16. A. Blok, «Critique du drame», article	122

Chronique des arts.

1. N. G. «Edouard Grieg», art.	134
2. W. K. «Chronique musicale de Pétersbourg»	139
3. B. Diks, «Quelques mots sur le «Théâtre-fantoché» d'A. Blok»	141
4. Chronique des arts à Pétersbourg	143
5. Serge Ausländer, Lettre de Pétersbourg	147
6. Les théâtres à Moscou (articles de Larzev et de A. Vorotnikov)	149
7. Nouvelles de partout	154

AVIS DE LA RÉDACTION

ANNONCES

РДЯНЫЯ ЗВѢЗДЫ.

Мысли и ощущенія.

Въ рдяности кровь и огонь. Рдяны полосы расплавленного металла. Рдяны краски заката. И рдяны осенне листья. И рдянымъ огнемъ горить звѣзда, чье имя есть имя Войны.

Это было въ Валенсій, въ городѣ красавиць, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ. Я шель среди цвѣтовъ и деревьевъ рядомъ съ красивою дѣвшушкой, русской. Мы говорили и смеялись. Мы шли и уходили. Вдругъ я остановился, какъ останавливается тотъ, кого рукой остановили. И шагахъ въ десяти передъ нами, совершенно такъ же, остановились двѣ молодыя испанки. Одна изъ нихъ была красива, но другая была красавица. У нея было блѣдное лицо и она была нѣсколько выше обычновенного роста испанокъ. Въ волосахъ у нея была красная гвоздика. У пояса была красная роза. На нѣжно-желтоватомъ платьѣ, цвѣта розы чайной, были тутъ и тамъ красные ленты. И губы рдѣли, какъ будто только что цѣловались. Вампиръ,—нѣтъ, лицо было слишкомъ живое, чтобы быть вампирнымъ. Скорѣе въ немъ было что-то изъ типа благородной римлянки, тонкость очертаній и страсть, и властность, и возможность жестокости. Я стоялъ и глядѣлъ, какъ глядитъ внезапно-влюбленный. И спутница моя смотрѣла, и въ глазахъ у нея было ощущеніе красоты. И мгновенное чувство, въ силу своей внезапности и остроты, перебросилось къ этимъ испанскимъ дѣвшушкамъ, и онѣ смотрѣли, и въ глазахъ у нихъ было ощущеніе кра-

соты и близости. И потомъ мы пошли каждый своею дорогой, и прошли другъ мимо друга, но, когда мы были совсѣмъ близко другъ отъ друга, я—хотя я не былъ одинъ—на секунду остановился и, весь обратившись къ красавицѣ-валенсіянкѣ, лепеталъ: „Красота! Красота!“—и она, хотя она была съ подругой, а я былъ съ юною женщиной, дрогнула и обернулась ко мнѣ, и все лицо ея было поцѣлуй. И потомъ, когда мы уже были раздѣлены пространствомъ, она еще разъ остановилась, и привѣтственно махнула мнѣ рукой, и съ очарованіемъ, для котораго я не могу найти словъ, крикнула мнѣ: „Adiós!“

Она была побѣдительна. Я никогда больше ее не видѣлъ. Я буду любить ее всегда. И это, быть можетъ, совсѣмъ просто. Но это возможно только въ Испаніи.

Я однажды захотѣлъ увидать роскошные апельсинные сады, окружающіе Валенсію, эти пышные оазисы съ золотыми яблоками. Придя на площадь, гдѣ стоять наемные кареты, я отправился съ кучеромъ, который самъ ко мнѣ подошелъ и который заинтересовалъ меня своимъ выразительнымъ, нѣсколько актерскимъ, лицомъ. Черезъ сколько-то минутъ мы уже говорили какъ старые знакомые. Въ Испаніи это дѣлается быстро.—„Сегодня corrida?“ спросилъ я кучера. „Бой быковъ?“.—„Завтра“.—„Вы aficionado?“ спросилъ я. „Любитель боя быковъ?“—„Да, я выступалъ здѣсь въ Валенсіи и въ Мадридѣ, въ Санть-Себастіанѣ и въ Севильѣ, и даже въ Мексикѣ“.—„Такъ вы торero?“ восклик-

нуль я, уразумѣвъ, почему у него актерское лицо. „Почему же вы бросили свое искусство?“—Онъ повернулся въ полоборота на козлахъ, и съ выраженіемъ, понятнымъ лишь человѣку, знающему Испанию, сказалъ: — „Madre!“ Мать боялась, что онъ будетъ убить или раненъ. Самое дорогое для испанца—мать и та, кого онъ любить. Это не умираетъ даже при условіи негодайства. А въ данномъ случаѣ я имѣлъ дѣло съ тонкою чувствительностью.—„Вы видали смерть?“ спросилъ я. — „Еще бы!“ — „Страшно?“ — „La Muerte es amable“, было отвѣтъ. „Смерть желанна, смерть достойна любви“. — „Что же болѣе желанно, смерть или любовь?“ — „О, любовь?“—и голосъ юнаго испанца пріобрѣлъ невыразимыя интонациі.—„Любовь есть первое слово, для котораго только и стбить жить. Любовь болѣе сладостна, но смерть болѣе желанна“. — „Почему?“ недоумѣнно спросилъ я. Голосъ испанца сталъ неуловимо-таинственнымъ. — „Смерть болѣе желанна“, сказалъ онъ мягко, но тономъ, не допускающімъ сомнѣнія. „Смерть болѣе достовѣрна“. И онъ еще разъ повторилъ: „Es mѣs verdadera“.

Нигдѣ, кромѣ Россіи и Испаніи, я не видалъ дѣтей, которыхъ такъ по-дѣтски дѣти. Въ смѣхѣ, въ шуткахъ, во взорахъ, въ движеніяхъ, въ неуловимомъ и неопределѣленномъ очарованіи дѣтскаго. Французская дѣти до чрезвычайности противны. Это маленькие мадамы и месье. Въ нихъ абсолютно нѣтъ ничего дѣтскаго. Они играютъ въ карьеру, въ деньги, въ благоразуміе, въ обманъ. Ихъ разсудительность можетъ взрослого лишить разсудка. Англійскія дѣти гораздо привлекательнѣе, но и въ нихъ уже съ самаго ранняго возраста чувствуется, въ мужской линіи во всякомъ случаѣ, что въ этой расѣ есть мужчины и что сія раса есть за-воевательная. Норвежскія дѣти и нѣмецкія истинно—дѣти, но въ нихъ нѣтъ достаточной тонкости настроений, въ нихъ много расовой тяжеловѣсности. У русскихъ же дѣтей и испанскихъ—поразительной хрустальности смѣхъ. И такая невинность въ голосѣ. И такое веселье въ шуткахъ. Притомъ, такъ какъ южане всегда болѣе порывисты въ выраженіи своихъ чувствъ, испанскія дѣти, по очарованію дѣтскаго, стоять, конечно, на первомъ мѣстѣ. Я видѣлъ сотни испанскихъ дѣтей, играющихъ на улицахъ Севильи и Валенсіи, въ солнечной Барселонѣ и въ зеленыхъ садахъ Мадрида, но я ни разу не видѣлъ ни одной грубой сцены и ни разу не слышалъ ни одного недѣтского возгласа, возникшаго на дѣтскихъ устахъ. И испанскія дѣти смотрѣть на

васъ такими глазами, что вы чувствуете—они родныя. Мгновенно между вами и ими вырастаетъ полная близость. Если они начинаютъ шутить надъ вами, это никогда не обидно. Когда же они начинаютъ къ вамъ ласкаться, въ душѣ вырастаетъ сладкое ощущеніе счастья.

Я много разъ думалъ, какъ это можетъ быть, что именно кастильскія дѣти такъ привлекательны, а сами кастильцы, въ видѣ жителей Мадрида, такъ часто наглы, грубы, и противны, и такъ не по-испански тяжеловѣсны. Я рѣшилъ, что объясненіе можетъ быть только одно: это народъ, который всю жизнь долженъ оставаться ребенкомъ. Онъ неспособенъ быть взрослымъ и какъ только восхочетъ сего, достичь не можетъ—и остается подросткомъ. А кто же не знаетъ, какъ нестерпимо-самомнительны, и глупы, и неделикатны подростки?

Быть можетъ, ни въ одной Европейской странѣ нѣтъ такой рѣзкой областной обособленности, какъ въ Испаніи. Испанецъ, когда его спросишь, кто онъ, никогда не отвѣтить вамъ: „я Испанецъ“. Вы всегда услышите: „я валенсіанецъ“, „я изъ Бильбао“, „я каталонецъ“, „я изъ Севильи“. И если два испанца происходятъ изъ двухъ городовъ, отдѣленныхъ лишь часомъ щѣзы по желѣзной дорогѣ, они разнствуютъ. Именно этой расовой особенностью объясняется такое по-разительное несходство столь национальныхъ художниковъ и поэтовъ, какъ Веласкесъ и Гойя, Кальдеронъ и Сервантесъ.

Когда испанцы разграбили въ Перу храмъ Солнца, они раздѣлили добычу, и одному солдату достался золотой дискъ Солнца. Потомъ они стали играть въ карты, и прежде чѣмъ взошло Солнце, дискъ Солнца былъ проигранъ. Это—Испанія.

Что должно быть Полярной Звѣздой, Правда или Красота? Что такое Правда безъ Красоты? Это не Правда, а низкая Ложь. Въ средніе вѣка понятіе Правды отождествлялось съ понятіемъ Богъ. И въ драмѣ „Цѣпи Дьявола“ Кальдеронъ говорить:

Межъ Богомъ и межъ Красотой
Сужденіе схвачено бредомъ,

(„Las cadenas del Demonio“, I; 5).

Это—священный бредъ необманчивой души, чувствующей музыку сферъ. И въ этомъ восклицаніи сказался Поэтъ, который даже въ средневѣковой тюрьмѣ чувствуетъ, хотя

и не сознаетъ вполнѣ ясно, что Красота есть полюсъ, не позволяющій идти дальше.

Другой гений Золотого вѣка Испанской литературы, Тирсо де-Молина, говорить:

Красота и безуміе—сестры.

(„La venganza de Tamar“, I; 1).

Эти слова имѣютъ особенную убѣдительность, если мы припомнимъ, что вся исторія Испаніи была сплошнымъ безуміемъ и безпрерывнымъ романомъ. Многовѣковая дуэль съ Маврами, созданіе самого красиваго Европейскаго языка, сосредоточеніе подъ властью одного короля столькихъ царствъ, что Солнце не заходило въ его владѣніяхъ, Кортесъ, который съ кучкой герцевъ и мошенниковъ завоевываетъ могучую Ацтекскую монархію, Сервантесъ, который въ мусульманскомъ плену нѣсколько разъ избѣгаетъ казни побѣдительною чарой своего морально-красиваго лика — и пишетъ свою бессмертную книгу въ тюрьмѣ, приготовленной для него добрыми соотечественниками, Лопе де-Вега, считающій свои драмы и комедіи тысячами, и вѣдь не кое-какія комедіи, святая Тереза, бессмертно влюбленная въ Христа, непобѣдимая Армада, потонувшая, прежде чѣмъ ей пришлося побѣждать или быть побѣжденной, и это неправдо-подобное паденіе послѣ всемирно-смѣлаго головокружительного подъема, и этотъ веселый ребяческій смѣхъ и звукъ кастаинъ послѣ того, какъ историческая роль безвозвратно сыграна,—не страницы ли это изъ книги сказокъ? Я сказалъ—сыграна. О, нѣтъ! Кромѣ вѣшнихъ монархій, существуютъ внутреннія. И пусть никогда уже болѣе не повторится зловѣщая фигура Филиппа Второго, но въ предѣлахъ цѣлаго земного полушарія говорять и будуть говорить по-испански, и мы, Европейцы, не можемъ прожить и нѣсколькихъ часовъ безъ того, чтобы не сказать Донъ-Кихотъ и Донъ-Жуанъ.

Мысли любятъ капризную пляску съ повторными па. Еще Санчо-Панса сказалъ: „No sabe nadie el alma de nadie“, что значитъ: „Не знаетъ никто душу никого“ („El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha“, I; II; сар. 14). Можно было бы подумать, что этотъ мудрый оруженосецъ странствующаго рыцаря есть одинъ изъ современныхъ Европейскихъ поэтовъ: такъ часто эта мысль возникаетъ въ стихахъ, въ романахъ и въ драмахъ, въ наши дни.

Перелистывая „Донъ-Кихота“, я нахожу, опять и опять, цѣлый рядъ изречений, которыхъ достойны того, чтобы всѣ ихъ запомнили. Нѣсколько афоризмовъ, которые измыслилъ Санчо-Панса: „Мнѣ кажется, что насчетъ того, чтобы править—стоитъ только начать“ („Don Quijote“, I; II; сар. 33). „Тамъ, гдѣ музыка, дурного быть не можетъ“ (I; II; сар. 34). „Дьяволы, играютъ ли они или не играютъ, никогда не могутъ быть довольными, выигрываютъ они или не выигрываютъ“ (I; II; сар. 70). Нѣсколько афоризмовъ Донъ-Кихота: „Нѣтъ поэта, который не былъ бы заносчивымъ и не думалъ бы о себѣ, что онъ величайший въ мірѣ поэтъ“ (I; II; сар. 18). „Любовь и война—одно и то же“ (I; II; сар. 21). „Всякое сравненіе ненавистно; итакъ, никого не нужно сравнивать ни съ кѣмъ“ (I; II; сар. 13). „Странствующій рыцарь, не имѣющій дамы, это какъ дерево безъ листьевъ, домъ безъ основанія, и тѣнь безъ тѣла, отъ коего можетъ возникнуть“ (I; II; сар. 32). Совѣтъ Санчо-Пансѣ: „Говори со степенностю, но не такъ, чтобы казалось, что ты слушаешь самого себя“ (I; II; сар. 43). „Если кто-нибудь не понимаетъ новыхъ словъ, это мало имѣть значенія,—привычка ихъ введеніе“ (I; II; сар. 43).

Одинъ изъ героевъ драмы Кальдерона „La sibila del Oriente“, II, 6, называетъ царицу Савскую, эту восточную Сибиллу, La negra estrella, черная звѣзда. Еще совсѣмъ недавно, помню, въ Русской и Французской поэзіи употреблялись подобные же обороты рѣчи, и даже въ точности говорилось—черная звѣзда. И добрые мудрецы (они всегда одинаковы) подчеркивали неестественную новизну этихъ вычурныхъ образовъ.

„Любовь безъ ревности есть тѣло безъ души“, читаемъ мы у Кальдерона („Luis Perez el Gallego“, I, 3). И такъ какъ каждое живое тѣло включаетъ въ себя душу, надо думать, что въ каждой любви, въ силу самаго ея существованія, заключается ревность, и чѣмъ живѣе любовь, тѣмъ болѣе возможности явленія зеленоглазаго чудовища. Впрочемъ, сколько разумѣю, по понятіямъ современной теософіи, не тѣло заключаетъ въ себѣ душу, а душа заключаетъ въ себѣ тѣло. Тутъ въ умѣ моемъ происходитъ какая-то путаница, и, можетъ быть, нелогично, но я начинаю понимать, почему возможна ревность безъ любви.

Въ драмѣ Кальдерона „La Niña de Gómez Arias“, I, 6, говорится:

Чтобъ была совершенной любовь,
Совершеннѣмъ, конечно, быть долженъ
Тотъ предметъ, что любовь возбудилъ.

Поэтому вполнѣ послѣдовательно, что въ другой его драмѣ „No hay cosa como callar“, I, 26, говорится:

Съ оправданьемъ родятся измѣны любви.

Въ „La cueva de Salamanca“ Сервантеса есть такой диалогъ:

„...Также и дьяволы бываютъ поэтами.
—И даже вѣй поэты суть дьяволы“.

Всѣ любящіе дѣлаются на время любви поэтами. И всѣ дьяволы отличаются чрезвычайною уклончивостью. Не оттого ли такъ непрочны паутинки любви? И не потому ли любовь всегда озарена змѣино-зыбкимъ свѣтомъ?

Лопе де Вега говоритъ („La Fuente Ovejuna“, I, 4):

Гармонія есть чистая любовь,
Затѣмъ что есть любовь—согласіе.

Но мірозданіе есть слѣдствіе противорѣчія. И жизнь проходитъ изъ разрыва. Поэтому любовь есть не жизнь съ ея тусклыми тѣнями, а смерть съ ея вѣчнымъ блескомъ. Любовь уже есть бессмертіе. Преображеніе тѣла. Вознесеніе души. Смерть и возстанье изъ мертвыхъ.

Въ знаменитой драмѣ „La Celestina“ есть замѣчательныя слова: „Los muertos abren los ojos de los que viven“ („Мертвые открываютъ глаза тѣхъ, которые живутъ“). Кто не знаетъ великой правды этихъ словъ? Когда человѣкъ, съ которыми вы говорили и смыкались, котораго вы любили, котораго, быть можетъ, вы смертельно ненавидѣли, лежитъ съ бѣлымъ лицомъ, безгласный и недвижный, въ душѣ возникаетъ великая тишина. И въ то время какъ тѣло живого застываетъ въ безмолвномъ созерцаніи надъ тѣломъ умершаго, отъ этого мертваго какъ будто идуть къ душѣ живого неисчислимые внутренніе голоса. Какъ ни странно сказать, но это такъ: возникаютъ безгласные голоса. Все, о чёмъ мы думали въ краткія мгновенія, проносящіяся иногда въ умѣ нашемъ, какъ быстрыя вспышки молний,— все, что

безъ словъ возникало на мигъ въ умѣ нашемъ, когда мы наклонялись надъ глубокой водой, или когда мы глядѣли на закатное Небо, находясь въ чужомъ kraю, или когда на нѣсколько секундъ мы были схвачены безмѣрнымъ счастьемъ, безмѣрнымъ несчастьемъ,—все, что въ скользящихъ узорахъ вставало въ вѣщахъ нашихъ снахъ, чтобы растаять, какъ иной, въ минуту пробужденія,—все это оживаетъ, обо всемъ этомъ говорятъ намъ тѣ безгласные голоса, они говорятъ и идуть въ нашъ умъ, какъ широкій лучъ яркаго зимняго солнца, глядящаго въ теплую нашу комнату черезъ морозныя стекла занесенного снѣгомъ дома. Кто разъ пережилъ такую бесѣду, кто побыль нѣсколько мгновеній въ такой безглагольности, тотъ входитъ опять въ свою здѣшнюю жизнь измѣненнымъ и послѣ этого уже все воспринимаетъ по-иному.

Въ драмѣ „En esta vida todo es verdad y todo mentira“ („Въ этой жизни все есть правда и все обманъ“) Кальдеронъ такъ опредѣляетъ женщину:

Женщина—какъ бы картина,
У которой два есть лица,
И одинъ—красивъ и нѣженъ,
И другой—звѣринъ ликъ.
И рѣшить наѣтъ невозможно,
Въ чёмъ сильнѣе совершенство,—
То душѣ она полжизни,
То полсмерти для нея.
Жить даетъ и убиваетъ,
Въ ней война и миръ отрадный,
Въ ней недугъ и излѣченіе,
Въ ней веселье и печаль.

Эразмъ Роттердамскій сказалъ: „Человѣкъ безъ страстей—камень. Всякій побѣжитъ отъ него, какъ отъ привидѣнія“. Именно поэтому Индійская мудрость, въ алфавитѣ которой первая буква есть убіеніе страстей, пріемлема только для лицъ, которыхъ желаютъ быть живыми мертвѣцами.

Фіалартъ, богъ Скандинавскій, въ сообщничествѣ съ карликомъ убивши мудреца, смѣшалъ кровь съ медомъ, и получился—медъ поэзіи и мудрости. Не оттого ли поэты такъ жестоки и такъ нѣжны? Въ мудрости же ихъ не сомнѣваются даже составители хрестоматій.

Испанский народный Геній любить, въ поговоркахъ, опредѣлять предметы и сущности цѣлымъ рядомъ сравнительныхъ сопоставлений. Это, впрочемъ, вообще—черта Народного Генія въ разныхъ странахъ. Но въ Испании,—въ странѣ, где Солнце ярко и всѣ очертанія четки,—и сравнительные сопоставленія поговорокъ отличаются чрезвычайною мѣткостью. Привожу цѣлый рядъ этихъ безошибочныхъ закидываній словеснаго аркана.—Больше поетъ, чѣмъ кузнецикъ;—чѣмъ кузнецикъ на вѣткахъ оливы;—больше поетъ, чѣмъ щегленокъ;—больше, чѣмъ Ангелы.—Упаль онъ, какъ камень въ колодецъ;—упаль онъ, какъ кошка, на ноги.—Бѣжитъ скотъ, чѣмъ вѣтеръ;—чѣмъ дурное извѣстіе.—Быстрѣй орла;—быстрѣй, чѣмъ шпага;—чѣмъ новый ножъ;—чѣмъ мысль.—Быстрѣе свѣта;—быстрѣе молний;—быстрѣе взгляда;—быстрѣй, чѣмъ да.—Испѣланъ больше, чѣмъ ребенокъ;—больше, чѣмъ ноги у Христа.—Вѣрнѣй, чѣмъ обѣдня;—чѣмъ Богъ въ небесахъ.—Вѣрнѣй часовъ;—вѣрнѣй, чѣмъ полночь.—Больше желтый, чѣмъ золото;—больше желтый, чѣмъ воскъ;—чѣмъ солома, шафранъ, и мертвеннъ;—больше желтый, чѣмъ зависитъ.—Зеленѣй базилики;—зеленѣе, чѣмъ перецъ;—зеленѣе, чѣмъ лутъ;—зеленѣе надежды.—Бѣлѣй, чѣмъ молоко;—бѣлѣй, чѣмъ горностай.—Чернѣй смолы;—чернѣй, чѣмъ воронъ;—чернѣй, чѣмъ сердце;—чѣмъ часть дурной.—Краснѣе мака;—краснѣй, чѣмъ кровь.—Пьянѣе лозы;—пьянѣе вина;—пьянѣй комара;—пьянѣе, чѣмъ Ної.—Молчаливѣе мертвыхъ;—молчаливѣе вора;—молчаливѣе камня;—молчаливѣй молящихся.—Деликатнѣе дамы;—деликатнѣй монахини;—деликатнѣе зеркала;—деликатнѣй не тронь меня.—Желаниѣ удачи;—желаниѣ поцѣлуя.—Тяжелѣй свинца;—тяжелѣй, чѣмъ долгъ.—Ревнивѣе, чѣмъ Турокъ;—ревнивѣй, чѣмъ старикъ.—Серьезнѣй, чѣмъ судья;—серъезнѣй, чѣмъ оселъ;—серъезнѣй завѣщенія.—Слѣпѣй, чѣмъ кротъ;—слѣпѣй, чѣмъ гиѣвъ.—Нѣжнѣй, чѣмъ бархатъ;—нѣжнѣй тра-винки.—Грязнѣй, чѣмъ помойная яма;—грязнѣе, чѣмъ слухъ исповѣдника.—Ровнѣе, чѣмъ ладони;—ровнѣй дороги въ адъ.—Веселѣй, чѣмъ барабанъ;—веселѣй, чѣмъ кастаньеты;—веселѣй цветовъ и Пасхи;—веселѣй, чѣмъ Май.—Благороднѣе земли;—благороднѣе, чѣмъ конь.—Страшнѣе смерти;—страшнѣй безчестья.—Больше одинъ, чѣмъ стебель;—чѣмъ глухой пустырь;—чѣмъ одна душа.—Больше потерянъ, чѣмъ булавка;—больше, чѣмъ мышь во рту у кошки.—Говорить, какъ книга;—говорить, какъ старый.—Всегда наверху, какъ масло;—всегда наверху, какъ пѣна;—какъ пробка въ водѣ, не потонетъ.—Слушалъ его, какъ слушаютъ дождь осенний.—Какъ тотъ, кто продалъ тѣнь свою;—какъ муха въ

молокѣ;—какъ мальчикъ въ новыхъ башмакахъ.—Печальнѣй кипариса;—печальнѣй похоронъ;—печальнѣй Долоросы.—Знаетъ больше, чѣмъ кукушка;—знаетъ болѣе, чѣмъ эмѣи;—знаетъ больше, чѣмъ колдуны;—знаетъ больше, чѣмъ кто любить.

Интересно, что Португальцы сообщили въ одной изъ своихъ пословицъ—„Великий, какъ Море, больше великий, чѣмъ милость Господня“,—и въ другой пословицѣ—„Бѣденъ, какъ Йовъ, бѣденъ, какъ Дьяволъ“. И въ то же время они, такъ же какъ несравненно больше ихъ сильные Испанцы, будучи весьма католическими, были чрезмѣрно строги къ Дьяволу и чрезвычайно услужливы и снисходительны къ Богу. Быть можетъ, они помнили, что Йовъ, по волѣ Божией, за времененной своей бѣдностью былъ стократно богатъ? И, быть можетъ, какъ Оригенъ, они твердо знали, что Дьяволъ въ концѣ-концовъ можетъ помириться съ Богомъ—и потому, какъ люди страстные, вымѣщали на немъ временную бесполезность уклоненія отъ неизбѣжной конечной судьбы?

Когда Миль顿ъ путешествовалъ по Италии, онъ однажды, гдѣ-то, должно быть въ саду, заснулъ. Увидала его молодая итальянка, красивая. Загорѣлась. И сейчасъ же написала:—„Occhi, stelle mortali, si chiusi m'uccidite, aperti, che farete?“—„Очи, смертныя звѣзды, коль закрытыя меня убиваете, открытыя, что вы сдѣлаете?“—Есть какая-то красивая жестокость въ таинственной ироніи судьбы: именно тѣ глаза, которые исторгли изъ нѣжнаго сердца это итальянски-чарующее восклицаніе, ослѣпли. Не увидали ли они однажды слишкомъ лучистый сонъ?

Данте въ точности опредѣлилъ ощущеніе, которое овладѣваетъ человѣкомъ при вступлении въ совершенно новое царство, въ блаженно-райскую страну: „La novit  del suono e'l grande lume“ („Paradiso“, I, 82“), „Новизна звука и великий свѣтъ“. Мы испытываемъ именно это, когда намъ снятся особенно счастливые причудливые сны. Музыка, услышанная во снѣ, всегда отличается поразительной сладостью, неуловимой, змѣино-лунной, зыбкой утонченностью. Ощущеніе отъ музыки, услышанной во снѣ, длится въ художественной душѣ не часы и не дни, а если услышишь, такъ ужъ на всю жизнь. И зеленые просторы сновидѣнной страны, голубая пространства пригревшагося неба, озарены такимъ свѣ-

томъ, что неуловимыя сиянія его, разъ увидѣнныя, скользятъ потомъ по различнымъ прогалинамъ нашей жизни, какъ сияніе расцвѣтшаго папоротника, увидѣнного въ Иванову ночь.

На одномъ примѣрѣ можно увидѣть, какъ, размыслия о Богѣ, разсуждаетъ философъ — и говорить мистикъ-поэтъ. Спиноза („Tractatus theol.-polit.“, 247) сообщаетъ намъ, что всѣ, кто сколько-нибудь возвысился надъ *vulgus'omъ*, знаютъ, что „Deum non habere dextram, neque sinistram, neque toveri, neque quiescere, neque in loco, sed absolute infinitum esse, et in eo omnes contineri perfectiones“, т.-е. у Бога нѣтъ ни праваго, ни лѣваго, онъ ни въ движеньи, ни въ покоѣ, ни въ мѣстѣ, но безусловно безконеченъ, и въ немъ всѣ содержатся совершенства“. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ Испанскихъ мистиковъ, Діего де Эстелья („Meditaciones devotissimas del amor de Dios“, т. I, р. 87) говоритъ: „No hay en ti si ni no, porque tu si permanece para siempre fiel у verdadero“, т.-е.: „нѣтъ въ тебѣ ни да, ни нѣтъ, ибо твоё да пребываетъ навсегда вѣрнымъ и достовѣрнымъ“. Одинъ, вступая въ словесную битву съ Богомъ, нуждается въ цѣломъ арсеналѣ. Другой лишь быстро взмахиваетъ кинжаломъ, у которого два острія.

Почему никто до сихъ поръ не сдѣлаетъ исторической параллели между Испанцами и Поляками? Несмотря на кажущуюся полную разность, два эти народа чрезвычайно много имѣютъ общихъ чертъ. Тотъ же, по преимуществу рыцарскій, национальный характеръ, — рыцарь не пѣшій, а всадникъ, быстрый, полный полета,—та же цвѣтистая пышность рѣчи, любящей преувеличенія, особенно въ выраженіи вѣжливой почтительности,—польское „падаю до ногъ“, испанское „дай мнѣ твои ноги“, —та же чрезвычайная католичность, выражаящаяся въ идолопоклонствѣ, — то же рыцарское отношеніе къ любви и къ женщинѣ, въ соединеніи съ способностью на великий въ этой области цинизмъ,—то же высокое понятіе о чести и способность въ одну секунду загорѣться ревностью и местью,—то же соединеніе крайней довѣрчивости съ подозрительностью и предательствомъ,—то же соединеніе сладостной нѣжности въ любви, въ пѣсняхъ, въ рѣчи, въ отношеніи къ дѣтямъ, и ужасающей жестокости съ побѣжденнымъ врагомъ,—та же природная даровитость съ великой небрежностью къ своимъ талантамъ и возможностямъ,—та же любовь къ наслажденіямъ, дозво-

ляющая имъ плясать надъ пропастью, — тѣ же безмѣрныя завоевательные мечты, сведенныя къ пушкинской сказкѣ о Рыбакѣ и рыбѣ, — та же восхитительно-послѣдовательная непослѣдовательность исторического поведенія.

Если рассматривать, въ пѣломъ, историческія судьбы Европейскихъ народовъ и ту отдѣльную роль, которую каждый изъ нихъ играетъ, можно сказать, что Англичане суть морскіе разбойники, строго соблюдающіе уголовныя статьи ими же созданного морского законодательства,—Итальянцы—создатели голубыхъ сновидѣній, безъ которыхъ не могли бы дышать души,—Французы—неутомимые фабрикаты человѣческой банальности, трогательно убѣжденные въ единственной своей оригинальности,—Нѣмцы—книгопечатники, всѣ чувства замыкающіе въ трехтомное изслѣдованіе,—Скандинавы—тайныственные молчальники, ибо молчаніе всегда таинственно, даже когда за нимъ ничего не скрывается,—Греки—живое подтвержденіе мудрости Донъ-Кихота, изъясняющаго Санчо-Пансѣ, что благородство бываетъ двухъ родовъ—одно, когда ты ведешь линію отъ именитыхъ предковъ, и другое, когда отъ тебя эту линію ведутъ,—Испанцы и Поляки—поэты, возлюбившіе верховую Ѣзду — а, какъ гласитъ испанская поговорка, нѣтъ человека—разумнаго на конѣ,—Русскіе... Но Русскіе, въ своей уклончивости, еще не сказали своего слова Судьбѣ, и ждуть своего приговора отъ нея съ медлительностью поистинѣ циклической.

Олеарій говоритъ о Русскихъ („Подробное описание Голштинского посольства въ Москвию и Персию“, книга 3-я, глава 6-я), что они — „callidi, versuti, pertinaces, effreni, aduersi et regversi“. Онъ, впрочемъ, не самъ это говоритъ, а ссылается на злорѣчиваго Jacobus, Nobilis Danus. Переводить—боюсь, такъ же какъ слова совсѣмъ другого писателя и по другому случаю сказанныя:

„Amari et amare,
Uxores variare“.

Олеарій въ той же главѣ своей любопытнѣйшей книги очень нелюбезно говоритъ о настѣ: „Если рассматривать Русскихъ со стороны нравовъ, обычаевъ и образа ихъ жизни, то по справедливости ихъ должно отнести къ варварамъ. И затѣмъ: „Не было еще примѣра, чтобы Русскіе вызвали

другъ друга биться на сабляхъ, или огнестрѣльнымъ оружиемъ, какъ это не рѣдко дѣлается въ Германии и другихъ странахъ Европы. Но извѣстно, что, вмѣсто того, знатные русскіе господа, и даже князья, выѣзжая на лошадяхъ, отстегиваются другъ друга нещадно плетьми, какъ разсказывали намъ за достовѣрное, и какъ мы сами видѣли". Эта спорть, въ соотвѣтствии съ упорствомъ Русскихъ, существуетъ и понынѣ, видоизмѣненный.

Барбѣ д'Оревильи такъ опредѣляетъ Русскій Гений: „L'imitation est le g  nie de la Russie... Seulement pour imiter comme elle imite, il faut une vraie souplesse de tigre“ („Litt  rature etrang  re“, 226). Что мы, Русскіе, мы, Славяне, имѣемъ въ основномъ нравѣ нашемъ тигриную гибкость, это конечно мы хорошо знаемъ и безъ Барбѣ д'Оревильи, и болѣе чѣмъ знать онъ. Въ одномъ Достоевскомъ больше тигриныхъ взмаховъ и тигровыхъ когтей, чѣмъ во всѣхъ Французскихъ романахъ вмѣстѣ. И Льва Толстого весь Земной Шаръ знаетъ за Льва. И за тысячу лѣтъ до двухъ этихъ царей Европейскаго романа 19-го вѣка мы спѣли такія Былины, какихъ нѣтъ ни у одного Европейскаго народа. Мы многое взяли у другихъ, и охотно возьмемъ еще много, если будетъ что взять. Но мы все преображаемъ въ свое, ибо понимаемъ себя и понимаемъ другихъ. Весьма извѣстный и весьма посредственный Барбѣ д'Оревильи, этотъ заурядный салонный фразѣръ, не понимаетъ, напримѣръ, нашего геніального Гоголя, какъ онъ не понимаетъ геніального англійскаго Свифта. Почему? Потому что Французы вообще чрезвычайно мало способны понимать чужеземное, и потому что мучительно часто живость Французовъ не есть гибкая живость ловкихъ тѣлъ, а деревянная подвижность проворныхъ марionетокъ, которая непремѣнно должны бѣгать по опредѣленнымъ дорожкамъ—бѣгать очень быстро, но только безъ живости истинной. Разъ рѣчь идетъ о подражаніяхъ и заимствованіяхъ, лично спросить: Кто создалъ „Сида“—фантазія Испанская или Французская? И национальный Мольеръ—не обокралъ ли Испанскаго театра? И Вольтеръ, вмѣстѣ съ другими Французскими мудрецами 18-го вѣка—а на нихъ вѣдь, какъ на трехъ китахъ, вся Франція зиждется,—сколько стянули всякаго добра у Англійскихъ мыслителей? Чтобы жить, одно живое поглощаетъ другое живущее—или умершее. Это законъ. Но не слишкомъ острый умъ изобличиши, ежели скажешь, что тигръ подражаетъ лани, которую онъ сѣѣль.

Не особенно любимый Французами, и самый геніальный изъ французскихъ писателей 19-го вѣка, несравненный со-здатель „La peau de chagrin“ и „La recherche de l'Absolu“, Бальзакъ, сказалъ: „Une courtisane est essentiellement monarchique“. Должно быть, поэтому Франція, усвоивъ себѣ республиканскую форму правленія, отъ монархическихъ нравовъ нимало не отвыкла.

Въ своемъ романѣ „Splendeurs et mis  res des courtisanes“ Бальзакъ сказалъ,—слѣдя своему обыкновенію вездѣ брать, и роскошно разбрасывать, рунически-прекрасныя формулы,—слѣдующія безсмертныя слова: „Лишь расы, пришедшая изъ пустынь, обладаютъ, во взорѣ, властью чарованія, завладѣвающаго всѣми. Ихъ глаза безъ сомнѣнія сохраняютъ что-нибудь изъ безконечности, которую они созерцали“.— Вотъ тайна чарованія Славянства. Вотъ негасимый залогъ нашего бессмертія, насть, некрикливыхъ, но зрячихъ и зрячихъ, среди торопливыхъ и шумныхъ панорамъ міровой Исторіи.

Великий мистикъ, св. Хуанъ де ля Крусь, въ своей „Темной ночи души“ („Noche escura del alma“, I), даетъ точное определеніе того состоянія человѣческой души, при которомъ лишь и возможно соприкосновеніе съ Мировой Тайной: „Salir de si y de todas las cosas“, „выйти изъ себя и изъ всѣхъ вещей“. Выйти изъ себя—чтобы войти въ себя, выйти изъ всѣхъ вещей—чтобы прикоснуться ко всѣмъ вещамъ. По очаровательной кажущейся нелогичности словъ, это заставляетъ вспомнить св. Терезу, когда она въ своихъ „Горницахъ“ („Mogadas“), или, что то же, „Внутренній Замокъ“ („Castillo Interior“ I, 1), говоритъ: „Начать нужно съ того, что душа наша есть Замокъ, весь изъ алмаза и пресвѣтлаго хрусталя, где много обиталищъ, какъ много есть горницъ въ Небѣ... Должны мы размотрѣть, какъ сможемъ войти въ сей прекрасный восхитительный Замокъ. Кажется, какъ будто говорю я безсмыслицу; ибо, если этотъ Замокъ есть душа, ясно, что нечего говорить о входженіи, вѣдь вотъ же онъ тутъ; это все равно, что сказать—войди въ комнату, когда въ ней находишься. Но имѣете вы уразумѣть, что великое есть отстояніе отъ находиться и находиться“.

Въ „Упанишадахъ“ говорится, что всѣ гласныя принадлежатъ Индрѣ, всѣ согласныя—Мриту. Индра—богъ Неба, богъ

свѣтлаго Воздуха, Мритіу—Смерть. Поэтому мелодія Русского языка,—такого нѣжнаго и благозвучнаго въ своемъ упоеніи гласными,—воистину полна лиризма жизни, а строгая музыка Польскаго языка,—столь церковно-звукнаго и бранно-сурогаго,—цѣликомъ построенаго на красотѣ сугласныхъ,—говорить о трагизмѣ битвы и смерти.

Истинно-католическая точка зрењія замкнута въ четыре слова: „Нѣть Дьявола—нѣть Христа“. Логично, справедливо, вѣрно, и кто жъ, въ инстинктѣ самосохраненія, создалъ Демонологію, какъ не Католическое Христіанство. Пріемлю полностью. Но все жду въ добрыхъ Христіанахъ хоть тѣни благодарности къ естественному ихъ благодѣтелю, давшему имъ возможность исторического существованія. Когда же наконецъ они опомнятся и построятъ хоть одинъ храмъ—Дьяволу? А впрочемъ—когда подходишь къ Notre Dame de Paris, не знаешь, кому въ точности этотъ храмъ посвященъ—Богу или Дьяволу. Я вспоминаю также—и зачѣмъ они такъ скоро забыты, эти сценическія роскошества?—литургіи Святой Инквизиціи. Долгими ночами осенними, когда безконечныя капли дождя стекаютъ по тусклымъ стекламъ, я перевожу счетъ дождевыхъ этихъ капель на красную роспись всѣхъ капель крови, сгорѣвшихъ на кострахъ, пролившихся подъ мечомъ, и кинжаломъ тайного убийцы, капель крови, поблѣднѣвшей въ тюрьмахъ и монастыряхъ, капель крови, потускнѣвшей, похладѣвшей, извратившейся подъ католическій шопотъ лгущихъ, клевещущихъ, лживо крестящихъ, лживо вѣнчающихъ, лживо и нагло разлучающихъ, будто-христіанскихъ, священниковъ, я считаю капли за каплями, капли—потоки—дожди неисчислительной крови, пролившейся въ наивныхъ странахъ, которыя, какъ Перу и Мексика, гостепріимны были къ палачамъ, я считаю то, что не уложишь въ слова, но что можно было положить на ложе пытки, что доселѣ кладутъ на ложе пытки. И я вижу, что число храмовъ Дьяволу превышаетъ число всѣхъ храмовъ иныхъ, и число литургій Станинскихъ—въ томъ же разрядѣ чиселъ, въ которомъ и песокъ морской.

Когда одинъ изъ величайшихъ въ мірѣ убийцъ, грабитель и воръ, исторический разбойникъ Писарро, наконецъ привлекъ на себя немилосердный, но справедливый самосудъ, онъ, хотя ужъ былъ и старъ, защищался съ той храбростью и ожесточенностью, которая характеризуетъ хищ-

ныхъ животныхъ. Онъ имѣлъ однако дѣло съ нѣсколькоими, и упала на полъ, въ лужу крови. Видя, что смерть тутъ, онъ обмакнулъ палецъ въ эту кровавую лужу и, начертавъ крестъ, наклонился, чтобы поцѣловать его, въ это время еще ударъ—и убийца былъ добить. Завершительный кровавый узоръ замѣнилъ ему исповѣдника и отпущеніе грѣховъ. По красной тропинкѣ нѣкоторые люди входятъ въ прекрасный Рай.

Аверроэстъ сказалъ, что бѣлый цвѣтъ происходитъ отъ холода. Я не рѣшилъ, отчего происходитъ красный цвѣтъ,—отъ брызнувшей ли крови, пролитой Каиномъ, или отъ трехпетаній божьей коровки надъ первымъ цвѣткомъ.

Въ дѣствѣ, какъ и сейчасъ, я не испытывалъ ни страха, ни отвращенія къ ящерицамъ и къ змѣямъ, столь свойственнаго какъ дѣтямъ, такъ и взрослымъ. Ящерица всегда мнѣ казалась самымъ гибкимъ, проворно-красивымъ и умнымъ звѣркомъ, а змѣя возбуждала то любопытство и тотъ почтительный интересъ, который овладѣваетъ дѣтьми, когда имъ читаютъ старшіе сказку о невѣдомыхъ странахъ. Я любилъ ящерицу не только за красоту, но и за ту удивительную внимательность, съ которой эти уклончивыя существа слушаютъ музыку. Когда въ деревенскомъ нашемъ домѣ моя мать начинала играть на фортепіано, я убѣгалъ въ садъ и тихонько подкрадывался къ одному мѣсту старого забора. Изъ расщелинъ всегда показывалась ящерица—я былъ остороженъ, но она меня не боялась—и слушающіе по особенному ту музыку, что раздавалась въ саду, всегда бывало двое. Таинственную же сущность змѣи я понялъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Деревенскіе мальчишки поймали въ расщепъ змѣю и стали избивать ее съ немилосердною жестокостью. Я стоялъ въ сторонѣ, онѣ—мѣвшій и устрашенный этой звѣрскостью малыхъ людей. Впрочемъ, змѣя конечно же вѣдь была ядовитая. Били палками нещадно. Убили наконецъ. И бросили въ рѣченку, что протекала близъ мѣста казни. Злорадныя лица съ любопытствомъ наклонились надъ водой, чтобы взглянуть, какъ будетъ тонуть трупъ змѣи. Водою однако крестятся, надо думать, не только люди, дабы получить жизнь истинную. Едва погрузившись въ воду, змѣя окила, сдѣлала передъ изумленными убийцами нѣсколько волнообразныхъ движений, отплыла, поплыла, и пристала напротивъ, и скрылась межъ травъ—на томъ берегу.

Когда я спалъ, мнѣ привидѣлся сонъ, въ которомъ былъ зеркальный блескъ, холодъ глубинъ, и черный цвѣтъ, и красный. Я былъ въ высокомъ чертогѣ, построенному изъ чернаго дуба, изъ которого строили свои нетленные корабли-драконы неустрашимые Викинги. Посреди чертога былъ круглый черный столъ, и сидѣнья были черныя, и поль былъ изъ чернаго мрамора. На стѣнахъ, справа и слѣва, какъ Солнце и Луна, были два круглыхъ зеркала, одно побольѣ, другое поменьше. Были ли окна въ чертогѣ, я не знаю, ибо двѣ другія стѣны были затянуты красными занавѣсами. Онѣ были очень красныя, и цвѣтъ ихъ былъ очень живой. И мнѣ хотѣлось поглядѣться на себя, и я зналъ, что я бѣлый, но въ кругломъ столѣ, за которымъ я сидѣлъ, я возникъ какъ черный, а дотянуться до зеркалъ не могъ, ибо они были высоко. И мнѣ хотѣлось узнать, есть ли окна въ чертогѣ и есть ли что-нибудь за стѣнами его, но я видѣлъ только красныя занавѣси, и, когда я хотѣлъ ихъ отодвинуть, онѣ становились живыми, и то, что на нихъ было изображено, становилось живымъ, и не позволяло мнѣ прикоснуться къ стѣнамъ. А изображенія на занавѣсахъ были разныя. Тамъ были красные цвѣты, какъ бы розы и кактусы, и на нихъ было много шиповъ, усложнившихъ ихъ стебли. Тамъ были красные углы темныхъ

кузницъ, и изъ горновъ дышалъ нестерпимый жаръ. Тамъ были, какъ угли горящіе, волчьи глаза въ лѣсу, они грозили, и въ лѣсу нельзя было ходить. Тамъ были игры живыхъ существъ, которыхъ въ шутку разрывали другъ друга, и изъ свѣже-разорванныхъ тѣлъ текла кровь. Тамъ были красные восходы весеннихъ дней и ярко-красные закаты дней осеннихъ, и прежде чѣмъ успѣвали глаза оглядѣть восходъ, закатъ уже зажигался пожаромъ, и дымъ былъ грязный. Тамъ были еще красныя ягоды, и красные плоды, и красныя тонкія ткани на красныхъ тканяхъ грубыхъ, и много красныхъ мотыльковъ, ненавистныхъ, оттого что ихъ было такъ много, и были тамъ красныя жалящія муhi, онѣ жужжали, кружились, звенѣли, жужжали, ползали, касались, все трогали, всюду падали, все заслоняли, и жалили, и цѣплялись щупальцами, лапками. Терпѣть больше было нельзя. Вскочить я не могъ, мѣсто держало крѣпко, но мученіе было такъ велико, что все это вспыхнуло, и чертогъ превратился въ корабль драконъ, и драконъ уплылъ въ Море, которое было чернаго цвѣта, хотя по краямъ оно все было освѣщено заревомъ.

К. Бальмонтъ.

Soulac-sur-Mer.
Villa Ave Maria.
Августъ 1907.

